

*Общеобразовательная школа
с углубленным изучением немецкого языка №1269
г. Москва*

*Мемориальный музей Евгении Коваленко
(7 апреля 1980 — 13 октября 2000 гг.)*

«Вдохновение»

*Альманах
творческих работ учеников школы
«Литературный дебют»*

выпуск 18

2018/19 учебный год

Картины Евгении Коваленко из серии «Жизнь...»



«Мельница жизни», 1998



«Лабиринт жизни», 1999



«Маска жизни», 1999



«Светофор жизни», 1999

Альманах «Вдохновение»

(выпуск 18)

*включает творческие работы учеников школы
«Литературный дебют»*

Составитель:

*Эльвира Александровна Арефьева
учитель русского языка и литературы
Заслуженный учитель России*

*А ты, младое вдохновенье,
Волнуй моё воображение,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта.*

А.С.Пушкин

Вдохновение... Его призывает и поэт, и артист, и учитель. Оно создаёт особую атмосферу, в которой рождается творчество: творчество учителя, создающего урок, и ответное творчество учеников. Только при таком условии формируется устойчивое желание постигать, узнавать, исследовать, тогда рождаются идеи, требующие воплощения на школьной сцене, в интеллектуальных играх, в творческих альманахах.

Ян Корчак писал: «Поэт - это такой человек, который сильно радуется и сильно горюет, легко сердится и крепко любит, который глубоко чувствует, волнуется, сочувствует. И дети такие». Дети – конечно же, поэты. И задача взрослых, родителей и школы, не дать «остыть душе поэта», побуждать к творческому поиску. В кабинете литературы нашей школы богатейший материал «пробы пера» юных поэтов. Стихи старшеклассников предыдущих поколений поражают воображение сегодняшних молодых людей, часто возбуждают желание попробовать себя в мире поэтических созвучий, выразить своё отношение к жизни.

В музее Евгении Коваленко, знакомясь с картинами автора, её опытами в публицистике и драматургии, телерепортажами, внимательные юноши и девушки удивляются тому, как в работах Жени странным образом совмещается яркая детская наивность рисунка с глубоким остро и жестко поставленным вопросом: «Зачем и как мы живем?». А философские и критические статьи Жени открывают для них глубокий мир **ВДОХНОВЕННОЙ** личности.

Читая, думая, размышляя, включаясь в творческий поиск, молодой человек начинает томиться «духовной жаждой», формирует в себе человека чувствующего и сочувствующего. Результатом творческого поиска и становятся альманахи юных поэтов.

Дай Бог любимых обнимать,
Не усомниться в лучшем друге.
Дай Бог вам видеть, понимать,
Чтоб не пропасть в житейской вьюге.
Дай Бог вам радости, мечты,
И совести, и укоризны.
Дай Бог небесной чистоты,
И дай вам Бог мгновенье жизни.

*АРЕФЬЕВА Эльвира Александровна ,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ РОССИИ*

Я улететь решила.
Меня здесь всё достало.
Я карту расстелила,
Смотреть на неё стала.
На новой карте «Мир»
Италия, Боливия,,
Египет и Алжир,
Австралия и Ливия.
Я тычу пальцем в сушу,
Реки, города.
Куда лететь мне нужно?
И нужно ли туда?
А может быть туда лететь,
Где много белых мишек.
Или к пингвинчикам гостить
Там нет совсем людишек!
Смотрю я карту, как кино.
Куда лететь, не знаю.
А солнце уж зашло давно.
Я карту убираю.
Проснусь на следующий день
И отменю я самолет.
Лететь уже мне будет лень.
Может и здесь мне повезёт?
Конечно, может жизнь и лучше
Там, где Америка, Канада,
Но мне и здесь пока не скучно.
Мне улетать пока не надо.

Анастасия Астрецова

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Зима - самое прекрасное время года. Повсюду сугробы, деревья одеваются в ослепительно белые наряды, а по земле расстилается снежный ковёр. Красота!

Наступил вечер. Я выглянула в окно и... увидела неземную красоту, ту, что воспевают поэты. Меня охватило вдохновение. Я взяла ручку, листок, захотелось описать это великолепие. Падал снег. Лес, находившийся недалеко от моего дома, блестел в лунном сиянии светлыми и тёмными красками. Лесное озеро отражало огромное тёмное небо с тысячами звёзд и красавицей-луной. Иногда редкие облачка скрывали луну от моих глаз, но через некоторое время ночная царица снова появлялась на небосклоне.

Вдруг вдалеке я увидела маленький огонёк и сразу же поняла, что это домик нашего лесника Васи. Наверное, дядя Вася сейчас тоже любовался красотой зимнего леса.

Светало. Луна медленно спускалась за горизонт, а звёзды и вовсе исчезли. Солнце было ещё за лесом. Верхушки деревьев становились красными.

Тут я поняла, что всю ночь, потерявшись во времени, я любовалась красотой ночной природы. Несмотря на то, что с наступлением утра я чувствовала усталость, мне не хотелось расставаться с моим восторгом. Пусть он сохранится во мне.

Эту ночь я запомнила надолго...

Виктория Жужина

ВСЁ В ТВОИХ РУКАХ

Появился в одном городе мудрец.
Все к нему ходили за советом.
Но нашёлся в этом городе малец
Что за старцем увязался следом.
Мальчишка взял, да бабочку поймал,
Да так бедняжечку зажал,
Что можно её было отпустить,
А можно было раздавить.
Пошёл он к мудрецу, спросил:
"Жива ли бабочка или мертва?"
А старец вмиг проговорил:
"Всё в твоих руках, дитя!"

Виктория Жужина

ЦЕПЬ

Цепь гор на окраине мира сгрудилась
И наблюдает за мной в упор.
Что за люди здесь?
Улица.
Ревет вдалеке мотор.
Ребенок.
А горы стоят, недвижимы,
И мысли ловят сачком.
Будь проклят я – уж издавна
Переживший свой перелом,

Глазницы чувств - высвободил,
Уходящим народам наперекор.
Так не обессудь на исповеди мой кров и дом!
Звездного неба шлейф вертится,
Меня мысли не обмануть:
Все мое сердце доверху –
Кровяной Млечный путь.
Пусть пронесутся галактики,
Цветущие вразрез с вашими именами,
Никто вас не помнит – как пруттики,
Еще не сломленные горами,
Живете здесь, в вечности.
А может, на пять секунд?
Беспечность всего человечества
И глупость
Не
Обмануть.

Лилия Заляева

ПЕСНЬ ГЛУШИ

Свирели ль день печальный?
Внимали ль пасмурную песнь?
Когда шёл дождь такой случайный,
И ветер веял прохлады весть.
Дышали ль свежестью бескрайней,
Чистым соком небесных вод?
Когда в час утренний и тайный
Кружился белый небосвод.
Видали ль тучи первых пасмур,
Их нежно-серый строй?
Когда украл печали маску
Тёплый дождь, родной.
Вдыхали ль аромат смолы
И запах кошенной травы,
Когда в душе царил покой,
Но дождь пошёл совсем косой?
Небес летали ль печальные слухи?
Глубины весенней тишины,
Когда дрозды уж стали глухи,
И по небу плыли пустые сны.

Нашли ли голос свой, души,
Где утром чистой красоты
Томились чудные стихи...
Слыхали ль песнь глуши?

Федор Маншилин

БЕЗБРЕЖНОЕ МОРЕ

*К *****

Люблю смущенье у ланит,
Любви твоей безбрежность,
Потому меня манит
Твоя девическая нежность.

И море нежное души
Волнует, штормами играя,
А в штиле сдержанной глуши
Поёт, синёсо вдохновляя.

Глазниц твоих отливы
И голубиные приливы
Сияют в глубине твоей,
Как всплески всех земных морей.

И волны вскачь бросают пламя,
И это точно не вода,
И ты в оксюмороне тая,
Прелестней, чем мои слова!

И ты плывёшь в душе моей
На самой ценной лодке,
А если шторм взыграет, я скорей
Тебя плащом укрою кротко.

А если вдруг я лодку потеряю,
И найти её я в море не смогу...
Я тебя сквозь волны обнимаю -
Значит я без лодки приплыву.

Федор Маншилин

Я прошу тебя смириться.
И время пролетает незаметно,
Я прошу тебя смириться
Но неизменны всё же те места...
С ревом множества машин.
И только там я забываю про все боли,
Я прошу тебя смириться
Что приносили осень и зима.
С этим запахом другим.
Пусть это не отмечено на карте
Я прошу тебя смириться
И пусть никто не будет знать о нём,
С злобой всех этих людей.
А я то всё об этом самом месте,
Я прошу тебя смириться
Где мы так любим быть с тобой вдвоём.
С долгою этих дней.
Я прошу тебя смириться
С тем, что всё уже прошло.
Я прошу тебя смириться
С тем, что солнце не взошло.
Я прошу тебя смириться
С городской суетой.
Я прошу тебя смириться
С этим миром, дорогой.

Полина Лабанас

ПАСМУРНАЯ ПРЕЛЕСТЬ

*К *****

Осенний твой люблю рассвет,
Твои сиреневые взгляды,
Паденья огненных комет
Под листья цвет помады.

Люблю дождливый тон ланит,
Волос тоскующие розы,
Их аромат всегда манит,
Их блеск включает в сердце грозы.

Явление печальных улиц
Играет дождём в тишине,
Я в людях прохожих ищу лиц,
Напоминающих о тебе.

Кружева мимолётных туч
Снятся мгновениям слоз,
Я потерянный солнечный луч
Прибавлю к твоим последствиям гроз.

Федор Маншилин

*К *****

Вновь уехала, милая,
Уехала вновь далеко.
Улыбка твоя невинная
Пусть сияет в ночное окно.

Свечерело. Тот нежный сумрак
Гладит твой взор синевой,
Во мраке дорожного шума
Услышь стихотворный строй.

Пусть вечер холодными звонами
Пробежит по твоей щеке
И деревья холодными кронами
Свежесть подарят тебе.

Вдохни аромат вечерний,
Тебе я его дарю,
Шлю поцелуй безмерный
Тебе, в морском краю.

Нежный вздох проромантил тело,
Нежное тело твоё,
И дрожь пробежит, чтоб грело
Стихотворное слово моё.

Свечерело. Нежная мгла
Гладит твой взор синевой...
Ах, где бы ты не была
До тебя мне подать рукой.

Федор Маншилин

СНЕЖИНКИ

День выдался не таким холодным. Тучи покрывали небо, солнце едва напоминало о себе. Обычный зимний день. На остановке было мало людей. В углу, рядом с транспортной картой, сидела бабушка в фиолетовой куртке неестественного цвета. В ногах у неё стояли пакеты со всем известной красной цифрой. На голове у неё была шапка с ушками. Наверное, подарила внучка. Старушка держала руки в замочке и слегка покачивала ножками. Она напоминала продрогшего воробушка.

Прямо у дороги стоял мальчик. Он часто доставал телефон и что-то проверял. Может, куда-то спешил или ждал какой-то важной вести. В свои юные годы он уже напоминал довольно взрослого человека. Я никак не мог понять, куда же он собирался, ведь на нем не было спортивной одежды, не было и официальной, стоял он без рюкзака. Как...? В последнее время редко кого встретишь без какой-либо ноши. Почему-то всем нравится носить на спине рюкзак, даже иногда пустой, ходить с какой-либо сумкой или просто что-то распахивать по карманам. Будто бы людям нравится этот груз ответственности, нравится, когда их что-то обременяет. Свобода стала тяжелой. Сложно не свернуть с верного пути, когда у тебя есть карта всех дорог с серебристыми цифрами, выкованными отцом.

Двери закрылись, перед глазами мелькнула надпись «не прислоняться». Куда я ехал и зачем? Повеяло невыносимой тоской. Рывок. Тронулся мир за стеклами. Медленно поползли люди, дороги, машины. Меня окружали усталые лица, везде была боль. По стеклам струились капли тающего снега. Глаза людей были такими же стеклами. Они блестели, но не сверкали.

Я достал фотоаппарат и навел объектив на маму с дочкой. Девочка была в яркой розовой куртке. Она с любопытством смотрела в окно, иногда пугалась, если близко к нам проезжали машины. Она слегка покачивала ножками. Своей маленькой ручкой крепко сжимала мамину ладонь. На вид ей было лет пять.

Щелчок. Вечность разделилась на до и после. Малышка удивленно посмотрела в мою сторону. Увидев мои глаза, слегка заметные за фотоаппаратом, она замерла. Несколько секунд рассматривала меня. Её эмоции менялись одна за другой. Медленно стала проявляться и улыбка на её лице. Застеснявшись совсем, она уткнулась в маму.

Щеки её покрывались румянцем. Я вышел на следующей остановке. Позади раздались звуки выходящего пара. Автобус уехал. Мне казалось, что я видел машущую ручку в окне. На моих ресницах уже лежали снежинки. Я узнал эту остановку. Улица была просторной. Людей почти не было. Как и в тот день. Ничто тут не изменилось. Но тебя не было рядом.

Денис Сидоров

Прискорбно, когда говорит об утрате
Тот, кто никогда не терял
Чьё сердце не ныло в тоске безвозвратной
Кто сам это всё не познал.
Фальшивые слёзы, стандартные фразы
Печально – торжественный вид
И выглядит всё это очень нелепо,
Как самый дешёвый прикид.
Не видевший свечек
Пред гробом родного
Не мог никогда вспоминать,
Как видел цветы на могиле другого.
Не знал – что такое терять.
И кто не скорбел,
И не думал о смерти,
На землю не бросив цветы...
Да что вы тогда понимаете в смерти!
В печали, надежде, слезах и любви.

Полина Лабанас

Под тяжёлой всеобщей тоскою каждый день для меня одинаков,
А двуличие лукавства людского
На мозги ежедневно капает и капает.
И безликой вереницей ночей
Я думаю лишь о том,
Как бы рассеять стену из кирпичей,
Заставляющую идти по своему пути напролом.
И ваза людской скуки тогда
Разобьётся, не выстоит.
Что с вами?! Что с вами мои руки?
Почему вы делаете всё неосмысленно?
Что с вами мои губы?
Почему вы всё выдаёте, не думая?
И зачем гудят со всех сторон медные трубы,
Звуками сжимая мою душу так туго?
И опять я, я презренный ферт
Вынужден падать перед подлецами
И, не докушав притворства десерт,
Стирать нотки презренья с моего лица!
В душе всё копятя и копятя обиды.

Хочется высказать их в лицо тем,
Кто так надоел мне своим видом,
Украшенным подобием невежества эмблем.
Но снова снимаю я перед лицемерами шляпу,
Забывая выражения не помня фраз.
И снова я льщу последнему кацапу,
Выставляя свою тряпичную личность напоказ.
Что с вами?! Что с вами мои руки? Почему вы
не слушаетесь здравого смысла?

И зачем вы пыхтите от натуги,
Предрекая то, что опять не вышло?
Будто подсказанными невидимым суфлёром
Словами, описываю я невиданные сплетни.
И, скользя глазами по недовольным взорам,
Сам узнаю - мольбы мои безответны.
Я ведь не понимаю даже,
День изо дня беззаботно шагая,
Что с судьбой играю в партию шашек
На тонкой планке меж тьмой и раем.
Хочется забыть,
хочется сказать: "Слава Богу за всё, что дал он нам!.."
Но сердце не может простить,
Оно хочет высказаться,
Хочет знать, почему жизнь так справедлива к врагам.
Видимо я согрешил произвольно,
Поэтому на меня возложена такая напасть...
Или же я просто человек безвольный,
И мне необходимо только с колен перед врагами встать.
Видимо это бессмысленно -
Думать.
Ждать.
Нужно действовать.
Нужно взять себя в свои руки.
Нужно понять всю неизвестность,
Причиняющую одни лишь муки.
Нужно забыться полностью.
И в таком состоянии пребывать,
пока твой разум самостоятельно не опомнится.
И пока сам не начнёт задавать себе вопрос:
"Что-же, что-же я делаю?
Как же я мог дойти до того,
Что сердце моё совсем зачерствело?"
"Кузнец своего счастья - человек",
И это знает каждый.

А счастье, какой бы не был ты стратег,
Куётся лишь однажды.
Поэтому желанно
Не только лишь не добиваться снисхожденья надменных,
А самому не снисходить до
попустительства презренных.
Под страхом смерти, под избытком выражений
Я проломлю кирпичную стену,
Составленную из слёз интонаций напористых,
Без возражений.
И с Божьей помощью и силой моих горестей
Спокойно.

Алексей Первушин

В этих горах время явно сошло на нет.
Посуди: я, наверно, сошёл с ума,
Я смотрю в одну точку почти уже сотню лет,
И в глазах у меня как с полвека один туман.

Я гнилой весь внутри, а снаружи лишь красота.
Наслаждаясь анабиозом, я забыл, что бывает боль.
Не моя, а чужая, поглощающая цвета.
Боль того, кто так ждёт, для кого я герой.

В этих горах воздух чист, и так пахнет ранней весной.
Это время надежд и рассвета солнца в груди.
Помолись за меня, чтоб нашёл я дорогу домой,
Чтоб остался живой и оставил сон позади.

Не буди. Там внизу леденящая душу тьма,
Там в больницах врачи призывают украдкой смерть.
Ну а я наблюдаю, как плавает в небе луна
И как превращает кома всё моё тело в твердь.

Татьяна Потапова

И НЕ БЫЛО ЕЩЕ РОМАНА СТОЛЬ ГЛУПОГО И СЧАСТЛИВОГО

- Денис..?

- А? Да, прости, я задумался...

Он убрал руку с моего плеча и продолжил рассказывать какую-то историю, начало которой я так безжалостно прослушал, но меня это мало беспокоило — у него был слушатель, явно интересующий его больше, чем я.

Вечер был странным. Выдохнув на улице воздух этого тёмного здания, я посмотрел на удалявшийся от меня призрачный пар, который на фоне неба, казалось, превращался в звездную пыль. Эти мельчайшие капли распрощались со мной, покинули улицы нашего района, белыми, серыми, черными облаками отправились бороздить ночное небо.

Было небо вечерним, на самом деле, но 18:00 на часах в зимнее время года вам не поверят. Да и нужно ли это вам?

Она смотрела на него счастливыми глазами, но всё же в них что-то таилось. Казалось, она изучала его, наблюдает, слушает. Я хорошо разбирался в людях, но разгадать её было сложно. Зато как ей удавалось угадывать то, что не знал о себе даже я, аргументируя это словами: «Ну мне не нравится этот вариант, а значит, остается только один верный ответ».

Я бы поддержал их беседу, но из моей головы никак не выходила её фотография, стоявшая на её контакте в моём телефоне. Вот уже несколько месяцев молчала линия, связывающая два наших телефона. Но она содрогнулась в этот вечер, как струна, донеся до меня нежные нотки её голоса.

Денис Сидоров

ХЛОПЬЯ

Мы шли по тонкой ленте асфальта, граничащей с бесконечным потоком этих куда-то несущихся монстров. Разноцветными лентами то покрывалась дорога, то оставалась тёмной, будто бы погружалась на самое дно этого железобетонного моря.

Фонари слепили. Хотелось по сильнее укутаться в шарф и ускорить шаг. Мне казалось, что он так и не рассказал ей ту историю, а может, уже говорил с ней совсем о другом — у них начиналась своя история, я старался не мешать.

Вспыхнул зелеными огнями перекресток, задрожала под ногами пешеходов дорога. Быстро обняв ребят, я перебежал через дорогу и скрылся за тёмным полотном дворов. Было холодно, всё сильнее я прятался от этого мира за шарфом. Дома ждали, я спешил.

Мир завертелся веретеном и замер. На ресницах маленькими огоньками сверкали снежинки. Они были повсюду. Всё небо горело и сверкало. Будто бы искрами от костра разлетались огненные от света единственной лампы где-то сверху хлопья снега.

Тишина. Казалось, что в ней утонул весь перевернувшийся мир. На уши давило это снежное молчание. Заныли колени. Они словно молили об отдыхе. Прошлые нагрузки не давали забыть о себе. Сквозь давящую тишину слышался тихий шепот тела, просившего остановить этот нескончаемый бег. Было даже как-то странно никуда не спешить.

Поднявшись и осмотревшись, я не сразу понял, что это было за место. Обычный маршрут от школы до дома казался мне совсем незнакомым. Не замечал я раньше, каким уютным был этот двор, не замечал, как тепло и нежно освещал его фонарь.

Дома ждали. Я не спешил.

Денис Сидоров

ОГНИ

Из облака серых черствых зданий донеслись размытые, лёгкой акварелью покрытые огни. Они начинались белыми, похожими на космические туманности, заканчиваясь смесью разноцветных огней, напоминая облик входящего на межпланетную станцию космического корабля. Раздававшиеся из-за домов сигналы несущихся машин, похожих на бешеные клетки крови, лишь придавали трагичности этому идущему на посадку кораблю. И на посадку ли он шел? Казалось, что здания уже не могут держать небо, всё сверкающее вспышками разноцветных огней. Корабль шел не на посадку — он падал. Делился на части, разрушался, вспыхивал всё новыми огнями. Этот гордый небесный линкор поджигал небо, взрывал его своими ровными линиями и острыми углами.

Я остановился. Смотрел вверх, не отводя глаз. Они блестели от огней, окруживших меня повсюду.

Мне не хватало кислорода. Зимой воздух странный. Он то слишком насыщенный, то слишком жадный на дающие нам возможность жить молекулы. Надев капюшон, словно защитный шлем, я продолжил идти к двери, отделяющую мир от дома. Мимо мелькали снежинки, похожие на метеориты и полыхающие разноцветным огнём кометы.

Корабль в небе остановился. Огни и звуки стали медленно затихать. Состыковка прошла успешно — мир соединился с небом. Планета замерла.

Открыв дверь, в последний раз я сделал глоток космическо-зимнего воздуха и вступил на порог. Дом. Он был совсем рядом. Не нужно было пересекать космос, океан или пустыню. Осталось всего несколько этажей.

Денис Сидоров

Искусство есть посредник того, что нельзя высказать. Не нашлось ещё множества слов, чтобы выразить все чувства и эмоции, на которые способен человек. Несмотря на то, что поэты и писатели используют различные тропы (метафоры, олицетворения, сравнения и т. д.), их красочных выражений всё равно недостаточно для описания всех оттенков человеческой души. Поэтому были сочинены первые мелодии, были написаны первые картины. Ведь, наслаждаясь звучанием какой-либо мелодии или любясь произведением какого-либо художника, сердце человека наполняется теми самыми непередаваемыми чувствами, которые и хотел передать автор.

Эта история о молодом человеке, который воспринимал искусство не иначе, как словами. Он родился в небольшой деревне под названием Гокаяма, что располагается в Японии, на территории города Нанто. С самого рождения юношу окружали архитектурные произведения искусства: дома в стиле «гассё-дзукури». Мальчик всегда с интересом наблюдал за домами. Он мог часами лежать на мягкой зелёной траве, разглядывая необычные соломенные крыши, и говорить ему совсем не надо было: он не знал, как выразить словами то, что он видел и слышал.

Время шло, маленький человек постепенно рос, набирался сил и знаний, учился понимать и осознавать происходящее с ним. С пятнадцати лет Киюши — а именно так и звали юношу — стал принимать свою необычность. Он осознал, что произведения искусства с ним разговаривают. Сначала дома. Их крыши... При дуновении лёгкого ветерка, когда деревья шепчут свою мелодичную песенку, пучки соломы, что и образовывали крышу, превращались на глазах юноши в длинные желтоватые руки, которые тянулись друг к другу, словно возлюбленные после долгой разлуки. Киюши довольно трудно, но Киюши и не пытался: своё счастье лучше хранить при себе, а то все ощущения потеряют краски, поблёкнут и лишатся аромата.

Но это было только начало пути юного гения. Он мечтал объездить весь мир, мечтал услышать, о чём ему говорят культурные шедевры всего мира.

Киюши накопил денег и, простившись с родными крышами, покинул родную деревушку. Первым делом юноша посетил то, что ему было ближе всего: архитектурные произведения искусства. Он побывал в Кёльнском соборе, прочитал по его бело-жёлтым стенам, как себя чувствует выдуваемая ветрами скала, прочитал по губам святых об их страданиях, их радостях и об их вере. Стены говорили с ним, здания, картины оживали под его взглядом, желая поведать ему — только ему одному! — свои секреты и тайны.

Слушая музыку органа, юноша чувствовал, как звук наполняет его тело. Тихий шёпот отдавался в ушах, крутился в голове, но совершенно не был навязчивым, нет. Он разливался по животу, по рукам и по ногам, заставляя их отяжелеть. Временами звуки будто прошибали тело током, заставляя Киюши вздрагивать и улыбаться: он чувствовал себя настоящим, чувствовал себя живым. Искусство наполняло его существование смыслом, он становился настолько полным сил, что готов был пробежать самый длинный марафон в мире и ни капельки не устать.

Его скитания были долгими, а жажда знаний, жажда полноты ощущений всё сильнее. Он хотел большего, желал большего и никак не мог насладиться результатами. Киоши получил доступ к запретному плоду и не смог вовремя остановиться. С одной стороны, его нельзя было винить: человеку положено тянуться к знаниям, но что произойдёт с человеком, если знаний будет слишком много?

Киоши прожил хорошую жизнь. По крайней мере, он так считал. Он повидал многое, он почувствовал многое и многое понял, но не смог это передать никому из окружающих: он был скуп и слишком жаден. Все секреты, которые поведали ему произведения искусства, Киоши хранил у себя. Плотнo запечатав их в банку, закупорив, юноша ушёл вместе с ней, чувствуя, что заполнен чувствами до краёв, но понимая, что это — самая настоящая ложь, ведь сколько бы он ни повидал, всё искусство вобрать в себя нельзя.

И действительно, если задуматься, сколько эмоций человек может испытать при прослушивании классической музыки? Она захлестнёт, унесёт волной в открытый океан неизведанных, неопознанных чувств и эмоций. И так, если отдаться своей душе, своему сердцу, можно прочувствовать полную палитру чувств, передаваемых искусством — посредником того, что нельзя высказать.

Анастасия Шушкова

Если чёрная куртка,
Не значит, что папа.
Если белый помпончик,
Не значит, что мать.

Если красная шапка,
Не значит – братишка.
Так зачем же мне этих людей догонять?
Подбегать к ним зачем? И зачем им кричать

«Мама, папа, братишка, стой!»
Прежде чем в человеке отца узнавать,
Убедись, что отец этот твой.
Может быть для тебя та семья не родная

Другая, чужая, совсем не твоя.
А ты к нимходишь,
возможно мешая,
Не подозревая, что чужая семья.

Анастасия Астрецова

После...
После спую,
А сейчас работа
не ждёт - мне пора затягивать сбрую,
Не то и опоздать несложно -
Такая вот забота...
Каждый миг по привычке и вновь
Видит человек безысходность,
А под прицелом винтовок стволов
Потихоньку погибает молодость.
Мы, люди, все куда то спешим,
Однако становится ясно,
Что уйдёт она из души
Для памяти лишь не напрасно.
Да что там память?!
Разве заменит она наши чувства?
Разве сможет снова смешать растворённых красок гамму
И окрасить запутанных мыслей немислимый узел?
Под стеною из камня, нависшей
Над старую жизнью, погибнут минуты.
Это мы виноваты, не расположившись
Как следует временем несохранившимся, смутным.
А ведь время не ждёт другие миры -
Обычно оно торопливо.
От него никогда не услышишь: "Вернись!"
Никогда не увидишь другого мотива.
Мы заскочим в поезд тёмный временного импульса.
Замелькают мимо крыши забытых полустанков,
Под которыми душами воспоминаний пустыми
Полны памяти сухие останки.
На пути темнота, неизвестность и боль
Неподвластные течению времени дни,
Которые гложет фантомная моль -
Страх предрекаемый "роком планиды"
У нас нету судьбы, предначертанной свыше.
И зависит движение жизни от нас.
Так что, люди, пожалуйста, будьте вы выше!
А грядущее можно менять лишь сейчас.
Постарайтесь ценить свой момент,
Не отпуская его безвозмездно,
Понимая, что то лишь один элемент
По дороге к беспмятству бездны.

И не надо, друзья, думать, что спешить нам некуда.
Наше завтра обуславливает наш личный рассказ.
Это нынче кажется, что песня ещё не спета, покуда
Не ясен скоротечной бренности века наказ.
И пока мы катимся в упомянутом всплеске,
Вечно следует за нами небесный гонец,
Чтобы в этом безликом, эпохальном отрезке
Вытащить меч из камня усталых сердец.
А когда воспоминания проявятся из глубин периферии,
Ждать только останется приближенья скоротечного.
Дабы в чувстве близкой ностальгии,
Наконец приехать на конечную.

Алексей Первушин

ДВА ЧАЯ

Было промозгло и сыро. Дождь то шёл, то притворялся, что он идёт, но никакого солнца и быть не могло. Наступил серый и тихий майский вечер.

Я, сполна нашагавшись по лужам, зашёл в кафе S. Там как всегда играла милая и спокойная музыка. Лишь половина столиков была занята. Но даже эта половина создавала какую-то уютную и приятную суетливость. Я обежал глазами кафе и на мгновение задумался. Мой взгляд остановился на свободном столике в уголке кафе. Я снял лёгкую ветровку и, оглядевшись вокруг, сел. Лиза как обычно опаздывала. На самом деле обычно опаздывал я, но сейчас всё обошлось иначе. Мне ничего больше не оставалось, как наблюдать за сидящими вокруг людьми. За мной сидела какая-то рыженькая бабушка с очень интеллигентным старичком и пила кофе. С другой стороны сидела девочка лет семнадцати, в очках, в наушниках, полностью погружённая в свой телефон, за ней - компания достаточно взрослых мужчин с достаточным количеством кружек пива на столе. За ними сидели люди, которых я из-за своей близорукости не мог разглядеть.

Прошло ещё минут десять, за которые официантка успела уже раза три пройти мимо меня, как будто не решаясь спросить о моей готовности сделать заказ.

Снова начинался дождь. Я задумался на мгновение, заглядевшись в окно, истекающее водой. Внезапно вошла она, как-то трепетно и суетливо поправив свои русые волосы и сразу же улыбнувшись мне, по-своему, так, как может улыбнуться только она. Я сразу внутри переменялся, и сердце моё ожило. Она подошла, с её губ слетело приветливое и необъяснимое "Неужели?", как бы удивлённое тому, что я пришёл раньше.

Я невольно улыбнулся, как улыбается человек, увидев что-то очень милое и родное.

- Первый раз чуть позже вышла! - сказала она с той же приветливой улыбкой, скинув с себя красную курточку. - Шок просто. Ты с чего это вовремя пришёл?

- Не знаю, - ухмыльнулся я, - решил сегодня не причёсываться.

- Ой, какие милые кудряшки! - пролепетала она, радостно проведя рукой по моим волосам. Официантка странно посмотрела на меня, с неярко выраженным умилением, хотя по её казахскому лицу непонятно, то ли она умиляется, то ли пытается чихнуть.

Мы с Лизой как всегда разговорились: я повторял свои несмешные шутки, а она смеялась над каждой из них, периодически заглядывая в телефон, а потом просто смотрела на меня влюблёнными глазами и снова смеялась уже без всякого повода.

- Ты что будешь-то? - спросил её я.

- Я не зна...а...а...ю, - протянула она.

- Опять чай?

- Не зна...а...а...ю.

- Чай или нет?

- Ну... на твоё усмотрение. - мило пропела она.

Я молча встал и подошёл к кассе, заказал два клубнично-персиковых чая, прекрасно зная, что Лиза есть ничего не будет. Кассир-официант (или официант-кассир) принял заказ и попросил подождать минуту. Я стал рассматривать витрину и разные пирожные на ней.

Внезапно один из компании выпивающих мужчин встал из-за своего столика, слегка покачнувшись, и уверенно прошёл мимо меня, взглянув как-то искоса и странно. Стало вроде чуть смешно, но я почему-то напрягся. Потом мой взгляд снова вернулся на красивые пирожные. Вдруг, снова обернувшись, я увидел, как тот мужик сел за стол Лизы... Я замер. По мне побежали мурашки. Лиза отбросила телефон и тоже перепугалась. Её встревоженный взгляд устремился на меня. Я абсолютно растерялся. Мой ум начал предвкушать опасный конфликт, а сердце содрогалось всё чаще. Официант у кассы подал мне два стакана чая.

Человек что-то тихо говорил Лизе. Она испуганно и растерянно что-то ему отвечала.

- Ваш чай, - сказал официант, решив, что я его не увидел.

- Да...я... - что-то пытался я ему ответить, совсем забыв о существовании чая и глядя теперь только на свой столик. Мужик за столиком ухмыльнулся Лизе так, что всё его некрасивое лицо искривилось ещё сильнее. Потом он кивнул в мою сторону и попытался положить руку Лизе на плечо, но она отстранилась.

Тогда во мне вскипело яростное чувство ненависти, смешанное со страхом и растерянностью. Я выдохнул, чтобы успокоить себя... И ноги сами понесли меня к моему столику. Я подошёл и остановился. Тот мужик не смотрел на меня. По телу моему снова пробежала дрожь. Лиза уставилась на меня круглыми глазами, полными боязни.

- Уважаемый, - сказал я сквозь тревогу в груди розовощёкому мужику.

Он взглянул на меня, но словно не придавал мне особого значения.

- Уважаемый, Вы, кажется, ошиблись столиком.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее своими маленькими и неприятными глазками.

- Мальчик, иди гуляй, ты уже лишний.

Лиза собралась встать и уйти и легонько кивнула мне в сторону выхода. Я же ощутил огромное чувство неудовлетворённой злобы. На моём языке пытались появиться очень уверенные грубые мужские слова, но ничего не проявилось. Я застыл на мгновение, ощутив, словно меня макнули в грязь. Весьма неприятный человек продолжал отвратительно улыбаться Лизе и говорил ей что-то вроде: "Да ладно тебе, пойдём со мной, а?". Я неуверенно стоял рядом, чуть оглядываясь и ощущая самый верх человеческой неловкости. Я не понимал, что нужно делать в такой ситуации, всё казалось безумным и непонятным, как сон. Разве я могу согнать с места взрослого подвыпившего мужика?

- А мне всё же кажется, что вам здесь не место, - выговорил я, натянув на голос строгую настырность, опершись обеими руками о край стола.

- Мальчик, вали уже, не ясно, что ли? - чуть повысил голос мужик и слегка пихнул меня рукой.

Лиза снова кивнула мне в сторону выхода, всем видом своим показывая, что мне не нужно решать проблем. Я же не двинулся с места.

- Шёл бы ты, иди на* отсюда! - махнул рукой мужик, и соседние столики уставились на меня.

Лиза собрала все свои вещи со стола в сумку.

- А я смотрю, вы там уже были, - вырвалось из меня.

Лиза резко встала и, взяв мою руку, потащила меня в сторону выхода. Внезапно мужик вскочил и схватил за руку Лизу.

- Куда пошла, ты??

- Отпустите!!! - вскрикнула она.

Тут я со всей силы отпихнул от неё мужика, он покачнулся, и Лиза вырвалась. Тогда он со всей силы ударил меня в плечо, что я чуть не влетел в витрину.

- Чё, упёртый, пойдём выйдем, а? Пойдём выйдем! - невнятно повторял он.

Вдруг к нему ринулись официанты с успокоительными словами и старичок, сидевший с бабулей, а мужик снова пихнул меня. Я разозлился, но вдруг Лиза схватила меня, и я сам уже не понял, как очутился на улице под своим собственным зонтом. Звук дождя и свежесть воздуха поменяли всё моё внутреннее состояние.

- Ты как? - словно разбудил меня голос Лизы, смотревшей мне прямо в глаза.

- Я...нормально, а ты?

- Руку сильно сжал мне...больно, - очень мило ответила она, облизав нижнюю губу и опустив глаза. Я нежно провёл рукой по её руке. Она снова мило улыбнулась, как тогда, когда она только вошла в кафе. А потом, через мгновение, обняла меня со всей своей трепетной нежностью.

- Я ведь должен был ему врезать? - неожиданно спросил я.

Тут Лиза отпустила меня, лишь оставив руки на моих плечах.

- Ты что: дурак совсем? - пролепетала она и снова прижалась ко мне.

А во мне зыграло сложное чувство... "По-мужски ли я поступил? - крутилось в моих мыслях, - я же мог прогнать этого мужика, я мог врезать ему!".

Мы ещё минуту простояли у кафе под дождём и... вдруг из кафе вышел тот старик, который пил кофе вместе с рыжеволосой бабулей за соседним столиком. Он спокойно распахнул свой зонт и подошёл ко мне. Лиза, словно испугавшись, отскочила. Я удивлённо посмотрел на него.

Он посмотрел мне прямо в глаза очень добродушным, но каким-то глубоким взглядом, а через мгновение опустил глаза, глядя куда-то на мокрый асфальт.

- Знаешь, - начал он, - если тебя это будет волновать... Есть ситуации, из которых надо выходить...проявляя тем самым свою мудрость.

Я на мгновение задумался.

- Но разве это по-мужски, уходить?

- Если перед тобой стоит скала, не дающая тебе возможности идти прямо, будешь ли ты бить по ней и доказывать, что ты прав, или же просто обойдёшь её?

Федор Манишин

Идти вперёд, не ошибаясь шагом, —
Залог порядочный людей.
И всё же падают ошибки градом,
И от того вдвойне нам тяжелей.
Я знаю, что отнюдь не совершенна
И так ужасно ошибилась я в друзьях,
И живут монстры в самых сокровенных
И самых мрачных сердца уголках.
Пускай и внешне девушка из стали,
В глазах которой все читали мудрость.
Тогда они и не подозревали,
Что я скрывала от них эту глупость.
И я жила с огромной чернотой в груди.
И не хватало воздуха порой,
Не знала я, что дальше впереди
И вновь отчаянно боролась с судьбой.
Я верила, что если захотим
Мы вместе сможем всё преодолеть.
Но дикий демон был неукротим,
А мне не надо было в это лезть.
И совсем не страшно мне,
Если придёт в ночной тиши,
Прячась в голубом огне,
Мой Демон из глубин души.

Анастасия Астрецова

Наслаждайся жизнью, цени каждый день
Будь то радуга, дождь, затмение
Не ищи меня, я ушёл временно в тень,
Тебя оставил и прошу прощения.
Когда солнце утренними лучами
Нежным пастельно-жёлтым рассветом
Освещать будет грань между нами,
Оглянись, но меня рядом нету.
Когда облетать плавно будут весной
Лепестки бледно розовым маскарадом
С вишни, а может сакуры молодой
Восхищайся, хоть меня нету рядом.
Над тобою будет неба лазурь
Загадочный заката пурпур
А меня всё ещё нету рядом.
Или когда ночью бессонной
Измученно водишь взглядом
По стене холодной бетонной
Извини, что меня нету рядом.
Но если внезапно наступает тот миг,
Когда в тупике мне некуда деться,
Твой силуэт, к которому так привык
Согревает истерзанное сердце .
Твой смех и цвет твоих глаз
И песни тихие под сосной.
И я надеюсь, ты вспомнишь хоть раз
Того, кто хотел быть рядом с тобой.

Анастасия Астрецова



ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КОВАЛЕНКО

Родилась 7 апреля 1980 г. в Москве. В 1996 г окончила с золотой медалью школу №1269 г. Москвы. Выпускница МГУ им. Ломоносова (факультет журналистики). Знала немецкий, английский, чешский и испанский языки. Работала корреспондентом программы «События» ТВ Центр (Москва). С детства интересовалась драматургией и живописью, посещала мастер-класс в Российской академии художеств. 13 октября 2000 г. погибла в автокатастрофе. Похоронена в г. Таррагона, под Барселоной, Испания.

С октября 2000 г. – многочисленные выставки картин в России и за рубежом (Франция, Испания), в том числе в Московском музее современного искусства (Петровка, 25), в музее Экслибриса, Испанском центре, институте Сервантеса, галереях Интерколор, «Акварин», «Садовое кольцо» и др. Образ Евгении запечатлен в портретах народных художников России Ильи Глазунова и Игоря Обросова, французский художник Г.Юон-Эргин посвятил ей свою выставку «Новое путешествие Евгении». Пьеса Евгении Коваленко «История болезни любви» представлена на театральных сценах (с апреля 2002 г. – Центр В. Высоцкого, реж. Р. Сотиириадис), Иркутский молодежный театр «Лики» (2007 г.). Спектакль – дипломант 3-го Международного фестиваля «Театр детства и юности-21 век» в Воронеже (октябрь 2003 г.), Международного театрального фестиваля молодежных театров (Пфорцхайм, Германия, 2007). Картины Евгении представлялись на ежегодном Международном фестивале «Август» памяти поэта Ильи Тюриня (Москва-Пушкинские горы) – август 2004-2014 гг.

2006 г. - Мемориальный музей Евгении Коваленко «Вечные 20 лет» получил сертификат о соответствии статусу «Музей образовательного учреждения» правительства Москвы – департамента образования. Изданы книги-альбомы, посвященные творчеству Евгении.

Книга «Евгения Коваленко. Вечные 20 лет» внесена в каталог Библиотеки Конгресса США (№ 2005371706), пьеса «История болезни любви» переведена на немецкий язык.

Адрес школы: 111401, Москва, 3-я Владимирская ул., 26А.
Телефон: +7 (495) 305-70-20

Сетевые ресурсы, посвященные Евгении Коваленко:

<http://www.evgenia20.ru>
<http://sch1269v.mskobr.ru>
<http://www.netslova.ru/kovalenko/>
<http://eugenia-k.chat.ru>
<http://www.artinfo.ru>

Евгения Коваленко. Эскизы из серии «Танец», 1999



Из жизни школы № 1269



Из жизни школы № 1269

